

Лидер

Об особенностях черт характера политического лидера Гейдара Алиева вспоминают руководство и актеры Русского драмтеатра

Валентина РЕЗНИКОВА, завлит Русского драматического театра им. Вургуна

Чем дальше уходит день, когда не стало Гейдара Алиевича Алиева, тем отчетливее понимаем, что личность этого человека была исторически настолько грандиозна, что только по истечении времени мы сможем по-настоящему оценить, что этот человек сделал для своего народа. И благодарные потомки вшлут его имя в скрижали истории страны, как это когда-то сделали американцы по отношению к Джорджу Вашингтону, русские — по отношению к Петру I, англичане — Уинстону Черчиллю, кубинцы — Фиделю Кастро. Лицом к лицу — глаза не увидать, большее — видится на расстоянии! — сказал поэт, и был абсолютно прав. И сегодня, переосмысливая не такое уж и далекое прошлое, мы вспоминаем о покойном президенте Азербайджана как о личности, наделенной особым и редким даром — быть чутким и грамотным лидером, тонким и гибким политиком, внимательным человеком, тонким центнером искусства.

Об особенностях черт характера политического лидера и просто человека Гейдара Алиевича Алиева вспоминают руководство и актеры Русского драматического театра им. С. Вургуна. Их творческое становление и значительная часть жизни проходили под знаком этого неординарного человека, чья гениальность признана не только лидерами других стран, но и всем мировым сообществом.

Марат Ибрагимов, директор театра: «Сегодня уже все понимают, что Гейдар Алиевич Алиев — это всенародный лидер, человек, так или иначе, оставил след в жизни каждого из нас. Вспоминя его, мы обнаруживаем все больше и больше таких черт характера, которые нас изумляют, приводят в восхищение. Его авторитет как политического лидера и просто человека был настолько огромен, что у людей, которых судьба каким-то образом сталкивала с ним, на всю жизнь оставалось самое приятное, даже восторженное впечатление. Помню еще те времена, когда Гейдар Алиевич был первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана. Тогда, по его инициативе экскурсiones в филармонию для сотрудников административно-хозяйственных предприятий проводились концерты классической музыки. А мы, работники Министерства культуры, к каждому такому мероприятию готовили информационный бюллетень, содержащий не только факты биографии и творчества того или иного композитора, но и краткое содержание произведений. Как правило, по окончании концерта Гейдар Алиевич поднимался на сцену и, к великому нашему изумлению, обнаруживал такие познания в этой области, что даже мы, считавшие себя специалистами, диву давались! Он говорил не хуже любого искусствоведа, зная все и о творчестве самого композитора и о его произведениях с такими подробностями и редкими малоизвестными фактами, от которых мы, специалисты, приходили в восторг и благоговение. А однажды, помню, по его распоряжению впервые во всем Союзе начали капитальный ремонт здания для открытия Театра песни. Такую театр не было тогда даже в Москве! Ремонт шел очень долго: Рашид Бейбутов все время что-то там делывал, переделывал, ему постоянно казалось, что все это еще недостаточно хорошо для того театра, который хочет иметь в своей республике Гейдар Алиевич. И хотя он в то время был уже в Москве, у меня было ощущение, что Бейбутов даже на расстоянии чувствует глобальшее уважение и преклонение перед такой личностью. В дальнейшем, когда я стал директором театра, неоднократно имел возможность убедиться в том, что наш президент, чьи сутки были заняты огромным количеством дел государственной важности, находил возможность и для того, чтобы решать проблемы отдельных граждан. Он знал, как в в каких условиях жила старшая актриса нашего театра Вера Карлова-Ширя, которую он неизменно называл «пачтальон», вспоминая при этом, как замечательно она читает поэму Сулеймана Рустамса с одноименным названием на двух языках. Время было экономически сложное и, несмотря на то, что мы сохраняли за ней штатное место в труппе, выплачивая ежемесячную зарплату, денег эти не хватало. И тогда наш покойный президент выделил ей персональную пожизненную пенсию, а через несколько лет, в день ее 80-летия, она была удостоена ордена «Шохрат». Это был еще один из тех шагов по отношению к деятелям культуры и искусства, которые были предприняты нашим президентом одним из первых на всей территории бывшего Союза. Хочу отметить, что этот великий человек умел ценить людей искусства, понимая, насколько

лько значительным является все то, что сделано этими людьми для общества. В этом плане интересна судьба Нодара Шашигоглу, который на склоне лет вернулся на родную землю, не имея уже ни родни здесь, ни крыши над головой. И тогда по распоряжению президента ему предоставили для постоянного проживания комнату в гостинице, позже — квартиру, персональную стипендию. И, конечно же, он очень интересовался творческой судьбой легендарного артиста. Нодар сидел в моем кабинете, когда раздавался звонок. За эти 20 минут разговора артиста и президента было сказано все: в том числе о профессии и о роли Гира, которую так хотел играть Нодар. Но, к сожалению, президент уже не смог увидеть любимого артиста в этой роли на сцене нашего театра. У нас в театре хранится плакат нашего покойного президента, который подарен театру 1 мая 1993 года на встрече в Академии наук с интеллигенцией с дарственной надписью: «Коллективу Театра русской драмы им. С. Вургуна с любовью и добрыми пожеланиями». Но об этом лучше всего расскажет Людмила Духовная.

Людмила Духовная, народная артистка Азербайджана:

«Я, как актриса, участвовавшая и в правительственных мероприятиях, имела честь неоднократно видеть с Гейдаром Алиевичем и даже беседовать с ним. Он как-то умел расположить к себе, заинтересовать темой разговора, которая, кстати, могла быть о чем угодно: литература, поэзия, музыка, живопись, театр... На той встрече с интеллигенцией, в предвыборную кампанию, я, как и все, то там был, была счастлива его возвращению. У него было прекрасное расположение духа. И я, пользуясь его настроением, подошла к предвыборным плакатам в руках и сказала, что, дескать, любимые артисты раздают автографы своим поклонникам, а вот любимые и политические лидеры — нет. И предложила исправить эту ситуацию, сославшись на коллег своего театра, которые будут счастливы иметь его автограф. Он застенчиво, подписал плакат и сказал, что теперь у нас будет первый и исключительный вариант его подписи. Так и случилось. Он вообще был человеком удивительным. Гениальный политик, красивый мужчина, человек с необыкновенным чувством юмора. (Чего стоить только история с шубой!) Не могу удержаться от рассказа о том, как после рождественского вечера, который проходил в кирхе, он подошел ко всем участникам и стал подробно интересоваться каждым. Удивляло то, что он все о нас и нашем творчестве знал. А еще был случай, когда к нам приехали вахтанговцы со спектаклем «Милый лжец». 90-е годы не очень-то баловали нас гастролерами, поэтому в зале был перешалгал. Мне выделили место в самом последнем ряду партера. И вдруг Гейдар Алиевич, войдя в зал, остановился, повернулся ко мне и спросил, почему это народная артистка сидит в последнем ряду, а не впереди. На что я ответила, что мы, как гостеприимные хозяева, лучшие места предоставляем гостям. Он хитро улыбнулся и сказал, что другого ответа он от меня и не ожидал. Удивительно, но он умел видеть и замечать абсолютно все. Таких памятных встреч в моей творческой биографии было много. Но есть моменты, о которых, вспоминая сейчас, я сожалею. Например, на бойлейном ве-

чере Муслима Магомаева он обратился ко мне с предложением прозеизитост. Я почему-то смутилась и сказала, что лучше, если его прозеизитост мужчине, и указала на одного из моих коллег. Хотя тогда тот у меня был. И теперь я сожалею, что он так и не услышал те замечательные слова, которые были посвящены ему и заканчивались стихами: «Если б я имела сто очей, то все бы сто на вас глядела!». Он для меня и по сей день остается самым лучшим президентом во всем мире».

Мурад Ягязаров, народный артист Азербайджана:

Отношение Гейдара Алиевича к искусству я впервые прочувствовал еще будучи молодым актером. Тогда на сцене театра шел торжественный вечер, посвященный 50-летию театра. Я держал Красное знамя, на которое первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Гейдар Алиев крепил орден Красного Знамени. Волновался, конечно. А потом с огромным интересом слушал то, что он говорил. Он был прекрасным оратором: говорил о театре так, как могут говорить только специалисты — со знанием дела, обстоятельно и подробно. Он знал всех актеров по именам, знал их творчество. Я тогда подумал, что это здорово, когда лично тебя знает первый секретарь. А много лет спустя, когда Гейдар Алиевич пришел на наш спектакль «Швейц Санан» (пьеса была поставлена по его предложению), я тоже был им отмечен, как актер, который стал мастером. И в этот раз он, посмотор спектакль, сделал подробнейший критический анализ работы режиссера, художника, композитора, актеров. Меня это возмутило в нем. Как и умение говорить с каждым человеком на его уровне. Он даже находил в Москве, следил за творческой жизнью нашего театра, знал обо всех жемчужках и удачах театра. А в конце 80-х я был в Москве, где надлежало решить свою личную проблему. У меня возникли непреодолимые сложности, и тогда я решил позвонить Гейдару Алиевичу. Говорил со мной его помощник, а через час у меня в гостиницу меня уже ждала машина. Когда я вошел в кабинет, он тепло, как близкого человека, обнял меня и, улыбаясь, спросил: «После моего отъезда не нашлось людей, которые могли бы решить вопрос мастера сценария? Меня возмутило то, как просто он держался! Ни на одно мгновение он не дал мне почувствовать, какого уровня человек разговаривает со мной. Он общался со мной как с равным: спокойно спрашивая, внимательно слушая. И тогда я подумал, что таких людей в высших эшелонах власти не так уж и много. Их надо оберегать. И горчилось, что у меня уже не тот возраст, иначе я, имея в прошлом спортивный подвиг, пошел бы за честь служить в какой личной охране».

Садр Мирзагасанов, народный артист Азербайджана:

«Я в числе других актеров нашего театра принимал участие в конкретном, посвященном открытию нового здания посольства Российской Федерации. Читал я стихи Пушкина в Петербургском зале. И случилось так, что стоял как раз напротив президента. Переволновался тем, что, кажется, и стихи-то читал себя не помню. Помню только, что краем глаза все-таки поглядывал, стараясь понять, нравится ему мое чтение или нет. И отмечал про себя, что он кивает головой

в такт каждой пушкинской строке. Я боялся ошибиться, потому что знал — наш президент обладает энциклопедическими знаниями и если я где-то ошибусь — он обязательно это заметит. А это было бы очень стыдно. Но, к счастью, этого не случилось».

Евгения Невмержицкая, заслуженная артистка Азербайджана:

«Гейдар Алиевич был изумительным человеком! Он очень любил и понимал искусство. Обладая потрясающей памятью на лица, он, если хотя бы раз видел актера на сцене — запомнил его. Поэтому, когда мы иногда случайно встречались на его пути во время значимых прогулок по городу, он всегда спрашивал: «Как поживает Русская драма? Это восхищало! А сколько легенд, ходило среди народа об этих лучших прогулках по городу! Люди с удовольствием рассказывали друг другу о том, как встречались с ним в магазинах и какие вопросы он задавал им. Он обладал каким-то особым даром влюблять в себя людей. И когда он говорил — его хотелось слушать. Он гений нашей современности и я счастлива, что время моего профессионального становления совпало с периодом его политической деятельности».

Александр Шаровский, народный артист, главный режиссер театра:

«Вернее я оказался рядом с нашим президентом за кулисами Дворца им. Ленина после окончания торжественного открытия министерства «Восток-Запад». Тогда я осуществил постановочную эту вечера и, как мне потом говорил Рустам Ибрагимбеков, он президентом очень понравился. А какое-то время спустя я оказался в числе приглашенных представителей еврейской общины в загородную резиденцию президента. Это было связано с визитом премьер-министра Израиля — Биньямина Нетаньяху. Накануне наш президент вернулся из трибунальной поездки в США, и в газетах с утра были опубликованы материалы по итогам того визита. Гейдар Алиевич интересовался нашим мнением по поводу этого события. Меня тогда поразило, с каким вниманием он слушал нас, людей, совсем далеких от политики. И интерес его был неподдельным! Несмотря на глубокую ночь, он продолжал оставаться энергичным и бодрым. А потом, после утеренной пресс-конференции и последующего за ней завтрака, президент пригласил нас всех на террасу полюбоваться восходом солнца над Каспием. Я был приятно удивлен, с какой поэтической силой глава государства может живописать момент пробуждения природы! Чувство такой радости и восторга окутало всех присутствующих от такого общения с удивительно простым человеком. И в то же время в нем была некая внутренняя сила, которая угадывалась, ощущалась. А когда пришел был назначен, мы — несколько приглашенных — решили пешком прогуляться к месту, где оставили машину. Вдруг проезжающий мимо автомобиль президента остановился: он хотел знать, есть ли у нас транспорт, на котором мы сможем добраться до города? Такая забота и внимание к нам не оставили нас равнодушными. Было приятно, что такая личность — яркая, харизматичная — проявляет интерес даже к таким мелочам».